

Берега памяти

Михаил Поленок

Михаил Демьянович Поленок – капитан 1 ранга запаса, ветеран военной службы, член Союза ветеранов военной разведки. Более 32 лет проходил службу в разведке ВМФ СССР и РФ. Награждён двумя орденами, многими медалями. Член РСП и МСП «Новый Современник». Прозаик, использовал жанры: повесть, рассказ, очерк. Основная тематика: гражданская, военно-патриотическая, духовная, природа. Номинант национальной литературной премии «Писатель года» (2022). Автор восьми книг. Публиковался в литературно-публицистических сборниках Балтийского флота «На флаг и гюйс», альманахах литературных объединений «Остров вдохновения» (Балтийск) и «Прибрежные волны» (Прибрежный). Написал более 20 историко-документальных военно-патриотических статей, опубликованных в газете «Красногорская жизнь» Брянской области.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

*Уроженцу с. Перелазы Брянской области
Струговцу Ивану Яковлевичу (1912–1941) –
без вести пропавшему посвящается!*

Победоносное завершение Великой Отечественной войны принесло и радость, связанную с возвращением родных, ушедших на фронт, и боль утраты по погибшим. С её окончанием сплелось воедино, надолго и неразрывно, счастье встречи живых и горечь невосполнимых потерь по погибшим. Особенно было тяжело семьям, чьи родные пропали без вести. Неопределённость их статуса висела немым укором, глубокой скорбью и дополнительными проблемами выживания над их семьями. Такой в селе Перелазы, расположенном на самой западной окраине Брянщины, оказалась семья Струговца Ивана Яковлевича – жена и трое детей. Длительное время, до 1950-х годов, Софья Андреевна настойчиво писала по всем инстанциям и искала мужа, но – безрезультатно.

В соответствии с Перечнем поручений Президента РФ от 23.04.2003 года № пр-698 и Указом от 22.01.2006 года № 37 был создан обобщённый компьютерный банк данных о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести, а также активизирована архивная работа.

Анализ и обработка материалов интернет-сайтов, архивных документов, в том числе немецкого концлагеря в городе Рославле, воспоминаний уроженцев посёлка Дубрёжка – Ф. В. Поленок, В. П. Поленок, А. М. Струговец – позволили приоткрыть завесу тайны над судьбой пропавшего без вести солдата...

Заканчивался июль месяц 1941 года. Под Смоленском стоял знойный период лета. Было жарко и на фронте – везде шли тяжёлые оборонительные бои, отовсюду были слышны громовые раскаты взрывов. Понять, где противник, а где свои, уже было невозможно – всё смешалось в неоднократно сдаваемых позициях и постоянном отходе. Последние две недели бои по обороне города Рославля приобрели особое ожесточение. Немецкая армия фон Бока, усиленная двумя танковыми группировками, рвалась вдоль магистрали Смоленск – Рославль на Москву. Группа войск 28-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Я. Качалова стойко держала оборону Рославля, но силы были неравны – фашисты жёстко наступали, сметая всё на своём пути.

Помощник командира пулемётного взвода старший сержант Иван Струговец сухими и воспалёнными глазами всматривался в окружающую местность. Очередная атака противника была отбита. На поле, меж лесных массивов, дымили чёрной гарью два подбитых танка, а земля, вспаханная

взрывами, с укором смотрела на людей. Горели вызревшие, но не убранные поля зерновых. Его взвод находился на правом фланге ротных позиций. В наспех выкопанных окопах, после очередной смены рубежей обороны, размещались три расчёта станкового пулемёта «Максим». Четвёртый – прямым попаданием снаряда немецкого танка был уничтожен в бою. Невдалеке, с пробитым кожухом, валялся отброшенный взрывом надёжный и верный «Максим». Был убит и молодой, жизнерадостный командир взвода лейтенант Горбачёв. Бутылка с горючей смесью, брошенная им, достигла цели, но скошенный пулемётной очередью лейтенант остался лежать на поле боя. Истерзанная войной нива приняла результаты кровавой жатвы – и людей, и металл, не разделяя своих и чужих. Взвод оказался под управлением Ивана, озабоченно оценивавшего сложившуюся ситуацию. Вот уже неделю, закапываясь в землю и цепляясь за неё, с напряжением последних сил войска сдерживали противника, обороняясь севернее Рославля и восточнее магистрали Минск – Рославль, в районе населённых пунктов Стодолище, Доротовка, Старинка. Он всё более понимал, что не только их рота, но и 28-я армия практически уже находятся в окружении. Гул боя уходил на восток. Действующее распоряжение штаба дивизии требовало обороняться до последнего патрона и человека – без приказа не отступать. В настоящий момент связь с командованием отсутствовала, ясности по обстановке не было.

Лёгкая пауза позволила отвлечься от опасной действительности и мысленно вернуться в мирное время.

29 мая 1941 года Иван был призван из села Перелазы на военную переподготовку в город Унеча. Вместе с ним находились и земляки из соседней деревни Дубрѣжка: Поленки Филипп и Василий, а также Струговец Андрей. Переподготовка проходила в тревожное время, многие уже чувствовали неотвратимость войны. Иван, прошедший срочную службу, имел воинское звание младший сержант и был назначен командиром стрелкового отделения. Дисциплинированный, собранный, он стремился мгновенно и точно выполнять все приказы командования, с удовольствием изучая военную технику и оружие. Это было отмечено командиром роты, и ему присвоили очередное звание сержант. Ивана, которому исполнилось двадцать девять лет, поддерживали и земляки – Андрей и Василий были его ровесниками, а Филипп – на пять лет младше. Андрей выглядел рослым и крепким мужиком. Резковатая манера его общения и натянуто серьёзное выражение лица подчёркивали внутреннюю сухость. В глазах плескалась крестьянская простота, переплетённая с житейской хитростью и жёсткостью. Василий – худощавый и невзрачный внешне, весь был в движении и поиске, а чего – и сам порой не знал. Ивану больше всех приглянулся Филипп – весёлый, общительный, открытый и ясный, как солнечный день. Учёбу закончить не удалось – началась война, и все были брошены на фронт. Ивану присвоили воинское звание старший сержант и назначили помощником командира пулемётного взвода. В дальнейшем он вместе с земляками оказался под Рославлем, в одной пулемётной роте.

Воспоминания были прерваны подошедшим первым номером пулемётного расчёта Филиппом. Обычно жизнерадостный, энергичный и излучающий тепло, он выглядел потускневшим и задумчивым. Из его доклада Иван понял, что боеприпасы на исходе, а красноармейцы осознают и глубоко переживают тяжёлую ситуацию на фронте и их фактическое окружение. Он знал, что все с нетерпением ждут только одного решения командиров – оперативного приказа на отход с позиций и соединение со своими силами.

Инициативно доложить командиру роты мнение подчинённых Иван не мог. Он успокаивал себя тем, что капитану Мельникову и без его доклада была хорошо известна сложившаяся катастрофическая обстановка. Главная же причина заключалась в том, что внутренне Иван до дрожи боялся, что его признают трусом и предателем Родины, что ему не поверят – такая участь постигла родителей и их семью в 1932 году в ходе раскулачивания. Тогда отец, мать, брат и две сестры, проживавшие в посёлке Дубрѣжка, были высланы и заброшены на долгие годы в бескрайние просторы Сибири. Они, как скитальцы, потерявшие точку опоры в жизни, так и не смогли её больше найти, меняя места высылки. Мать Анна и брат Михаил на этапах пересылки пропали без вести. Ивану повезло – он уже был отделён от родителей и находился в селе Перелазы. Он мало знал о дальнейшей судьбе своих родных, не хотел вспоминать и беречь душу – боялся накликасть беду на свою семью.

– Немцы! – крик наблюдателя вернул всех к реальной и жуткой действительности, от которой было не убежать.

Из-за перелеска показалось несколько танков в сопровождении цепи автоматчиков. Они шли упорно и молча в лобовую атаку на позиции роты.

Иван бегло проверил остатки взвода и дал команду:

– Экономить патроны. Подготовить бутылки с зажигательной смесью!

Расчёт противотанкового ружья он выдвинул на оптимальную позицию, прикрыв автоматчиком. С противным шелестом стали падать немецкие мины, как косой, сбивая остатки растительности вокруг. Первый номер пулемёта ефрейтор Зубков, сражённый замертво, свалился на коробку с пулемётными лентами. Немцы перенесли огонь, и мины стали взрываться за линией окопов. Иван дал команду: «Огонь!» – и бросился к пулемёту. Сухие и хлесткие одиночные выстрелы противотанкового ружья переплелись с короткими и гулкими очередями пулемёта, звонкими ударами винтовок. Фашисты залегли. По позициям ударили пушки их танков. Рота не дружно, но дерзко отвечала противнику. Развернулся на месте с перебитой гусеницей, как ужаленный огромной осой, немецкий танк.

Сноп огня и пламени со страшным грохотом взметнулся у окопа пулемётного расчёта и накрыл его смертельным градом осколков. Филипп, сноровисто заправляя очередную пулемётную ленту, видел взрыв у позиции командира взвода. Противник наседал, обозлённый упорным противостоянием. Обескровленная, без боеприпасов и подкрепления, потерявшая связь и управление, рота дрогнула и беспорядочно стала отходить. Филипп ползком бросился к земляку Ивану. Старшего сержанта Струговца полузасыпанного, в изорванной гимнастёрке и залитого кровью, без признаков жизни он увидел лежащим у пулемёта. Рядом находилось безжизненное тело его напарника – второго номера пулемётного расчёта. Резкие крики немцев раздавались уже рядом – Филипп метнулся к ближайшему кустарнику. При отходе столкнулся с потрёпанным и растерянным Василием. Воспользовавшись надвигающимися вечерними сумерками, им удалось оторваться от противника и укрыться в ближайшем лесу. Движение в восточном направлении к линии фронта было перекрыто большим скоплением немецких войск...

Тупой удар фашистского приклада привёл в чувство Ивана. Он открыл глаза и на фоне качающегося неба увидел самодовольное лицо плотного немецкого автоматчика. По резкой команде «Aufstehen» («Встать») попытался встать, но, приподнявшись, тут же от головокружения по причине большой потери крови из рваной раны правого предплечья, опять рухнул и потерял сознание.

Очнулся от тряски – он лежал в телеге, где находилось несколько раненых красноармейцев. Их всех доставили и сгрузили на землю в немецком лагере военнопленных, находившемся на юго-западной окраине Рославля. Лагерь был окружён двумя рядами изгороди из колючей проволоки. По периметру стояли вышки с пулемётными расчётами и вооружённые автоматами часовые.

Следующий день начался с проверки и сортировки военнопленных. Коммунистов и евреев уводили и расстреливали сразу. Иван понял, что ждать и жить ему осталось недолго – партийный билет находился в нагрудном кармане его гимнастёрки. Он принял решение и подал заявление в партию после длительных размышлений, вспоминая и по-новому осознавая для себя значение напутственных слов бабушки Анны, сказанных ему ещё в детстве:

– Власть – от Бога и ей надо подчиниться! Бог посылает и испытания за наши грехи – их надо пройти!

Рука потянулась к карману, но на его месте была пустота – обрывки сохранившейся и изорванной гимнастёрки да израненное и окровавленное тело. В воспалённом мозгу опять сверкнула своей внезапной чистотой и ясностью неоднократно повторяемая бабушкой и выстраданная среди односельчан фраза: «На всё воля Божья!»

Иван почувствовал чей-то пронизательный взгляд и увидел среди группы немцев знакомое лицо, но вспомнить, кто это, так и не смог. Незнакомец, помедлив, внезапно с улыбкой двинулся к нему и с лёгким сомнением произнёс:

– Иван, сын Струговца Якова?

Иван молчал, не зная, что ответить, затем согласно кивнул головой.

Незнакомец оказался уроженцем села Перелазы Пеньковым Афанасием, раскулаченным и отбывавшим срок ссылки в Сибири вместе с отцом Ивана. Дождавшись прихода немцев, он добровольно пошёл к ним на службу переводчиком.

По команде Пенькова полицаи отнесли Ивана в находившуюся рядом больницу, где его раны обработали и перевязали. Благодаря стараниям Афанасия Ивана хорошо кормили и лечили. Крепкое молодое тело быстро восстанавливало силы, раны заживали. Переводчик не оставлял Ивана без внимания и с удовольствием рисовал живописные перспективы их совместной службы на благо фашистской

Германии. Он так увлёкся и уверовал, что обиженный советской властью сын раскулаченного друга будет рад служить новому порядку и станет его верным соратником, что даже не поинтересовался мнением самого Ивана.

Оба возможных варианта решения – жизнь со служением врагу или мучительная смерть в неизвестности – были страшны и противоестественны.

Иван всё чаще вспоминал образ нежной и любящей жены Софьи – в простеньком ситцевом в горошек платье, которое от дуновения лёгкого ветра, как живое, дышало на её крепком теле, подчёркивая все его изгибы. Она была на пять лет младше мужа, но непосильный труд в поле и дома, а также уход за тремя детьми наложили свой отпечаток – выглядела старше своих лет, рано повзрослевшей женщиной. Старший пятилетний сын Костя был его любимцем и надеждой, дочери радовали нежностью. Вся его суть сейчас стремилась и рвалась только к ним.

Из опыта судьбы своих родителей, как плугом перевернувшей все родственные пласты, он понимал, что его личная жизнь, купленная ценой предательства, исковеркает чистые судьбы самых близких и любимых ему людей. Иван с каждым днём всё острее чувствовал, что чем больше крепло и набирало сил тело, тем мучительнее страдала его душа. Она плакала и изнемогала от неизбежности решения сложнейшей проблемы – его жизни или смерти. Это был крайне обострённый, в условиях раздвоения, внутренний бой с самим собой.

Пришла дождливая осень, и наступил день, когда Афанасий предложил Ивану пойти и документально оформить верное служение фашизму. Это давно ожидаемое предложение оказалось для него очень внезапным – мир и благополучие сразу опрокинулись. Однако решение исподволь уже созрело внутри – отказ от сотрудничества ошеломил переводчика. Он побледнел, а затем, возмущённый, покрылся бурными пятнами негодования. Иван сразу же был брошен в один из барачков для военнопленных.

Пол барака, расположенный ниже уровня земли и не покрытый ни соломой, ни досками, представлял собой грязное месиво, в котором стояли пленные. Нар не было, отопление отсутствовало. Два раза в день выдавали по пол-литра баланды (одна-две ложки ржаной муки с отрубями, разболтанной в литре воды) и один раз в четыре-пять дней – по 150–200 граммов хлеба на человека. Продовольствия было мало для того, чтобы жить, и много, чтобы сразу умереть.

Иван понимал, что долго выжить – сложно. Ежедневно в лагере умирало в среднем сто человек. Периодически с немцами в бараке появлялся Пеньков, злорадствуя при виде Струговца, в сложившейся ситуации – беззащитной жертвы.

В очередную группу, отобранную для расстрела, был включён и Иван. Шеренгу пленных построили у тёмной, мрачной и грязной стены внутри лагеря. Перед ними находились немецкие автоматчики и пулемёт, за который встал переводчик Пеньков. Лицо его было самодовольным и лоснящимся от ощущения полноты жизни и власти.

Серое, мглистое небо дополняло общий мрачный пейзаж. Военнопленные стояли ломаной шеренгой, босые, полураздетые, исхудавшие, как скелеты. Их лица были такими же серыми и потухшими, только у части наиболее стойких ещё горели глаза. Неожиданно небо сдвинуло тёмную завесу, в просвете блеснул яркий и чистый луч солнца. Он упал на шеренгу обречённых и разделил пространство на обе непримиримые стороны: светлую – с жертвами и мрачную – с палачами и переводчиком.

Иван, ощутив лёгкое и приятное тепло света, облегчённо вздохнул, стремясь навстречу солнцу, поднял голову и увидел открывшееся бездонное голубое небо...

Он уже не услышал и не почувствовал треск автоматных и пулемётных очередей – его душа, очищенная и умиротворённая, уходила ввысь...